Теория. Методология

От редакции. В преддверии юбилейных XXV Харческих чтений, традиционно посвященных теоретико-методологическим вопросам социологии, публикуем перевод статьи С.П. Тернера, любезно предоставленной журналу автором. В предыдущих номерах (2022, № 7: 15–27; 2023, № 4: 15–27) были опубликованы переводы двух его статей. Ниже печатается подготовленная С.П. Тернером глава из коллективного труда «Новые философские взгляды на научный прогресс» (“New Philosophical Perspectives on Scientific Progress”), вышедшего в 2023 г. в издательстве «Routledge». Журнал благодарит автора за эту любезность.

© 2023 г.

С.П. ТЕРНЕР

ПРОГРЕСС СОЦИОЛОГИИ?

ТЕРНЕР Стивен Парк – заслуженный профессор департамента философии Университета Южной Флориды, США (turner@usf.edu).

DOI: 10.31857/S020736760026579-5

Вопрос, растет ли социология, прогрессирует ли она содержательно и в каком смысле, всегда стоял перед социологией [Bell, 1982; Collins, 1981; Deutsch et al., 1971; Rule, 1997]. Он осложнен свойствами предмета и техническими проблемами социологии. Строго применять к ней традиционные представления философии науки о прогрессе, в общем-то, бесполезно, т.к. у социологии нет теорий, вокруг которых строятся традиционные понятия прогресса; у ее «механизмов» иной характер¹, а прогнозы по причинам, о которых ниже, трудно отделить от описаний. Прежние труды по этому вопросу обсуждали способы получения надежных представлений или, как минимум, опровержения неверных. Но, как показано ниже, и эти претензии проблемны: простота – традиционная когнитивная ценность науки – применима к прогнозным теориям, но применение к сложным социальным ситуациям часто ведет просто к редукции. Критерии решения загадок более перспективны, но и этот путь проблематичен: загадки формируются извне проблемами политики или культуры – они не просто продукт неверных теорий или процессов в самой науке, создающих загадки.

Тем не менее есть основания рассмотреть социологию в ее отношении к вопросу прогресса, т.к., очевидно, большая часть остальной науки, особенно биомедицина, схожа с социологией по ряду важных черт вследствие выросшей роли статистических моделей. В социологии построение моделей – стратегия, наиболее близкая к точной науке; здесь прогресс ожидаем, а его основная форма – каузальное моделирование, стала центром этой главы.

Статистика утверждает, что сами научные теории – лишь статистические модели; верны они или нет, проверка статистикой обеспечивает некую уверенность. Это полуправда.

¹ В классической формулировке «механизмы – это единицы и действия, организуемые так, чтобы производить регулярные перемены от начала или создания до конца или истечения условий» [Machamer et al., 2000: 3]. Едва ли хоть один из таких механизмов «регулярен», не говоря уже о рядах производителей перемен, организованных в группу.

Правда в том, что общенаучные теории проверяются превращением их в статистические модели, при определенных условиях допускающие прогноз. Было бы ошибкой полагать, что выведенные из удачных моделей теории обязательно допускают генерализацию или в форме еще более общих теорий, или в виде общеприменимых механизмов. Одна черта, отличающая социологию и социальные науки, – способность их моделей к генерализации. Проблема генерализации, я ее назову семантической нестабильностью, – суть обсуждаемого в статье. Но для понимания ее значения нужен развернутый экскурс в историю методологической мысли социологов.

Я делю свою главу на три части. Первая – введение в две разные взаимодополняющие традиции социологической методологии и их ограничения. Обсудив проблемы «теории» и ее отношение к проблеме генерализации, я перейду к главному вопросу обычной количественной социологии – к проблеме, известной по названию классической методологической работы «Каузальная инференция в неэкспериментальном исследовании» [Blalock, 1961], т.е. к построению статистических моделей некоей каузальной значимости. Конечно, в социальных науках много применений количественных моделей, но связанные с ними трудности весьма схожи. Блалок в 1961 г. назвал «недостатки исследований в социальных науках»: «серьезные ошибки измерений, неспособность рандомизировать и реплицировать, высокий процент необъясненных вариантов, множество неизмеренных переменных и нечеткие концепты» [1961, viii]. Примеры показывают, что и сейчас дело обстоит так же. «Качественная», или интерпретативная, традиция в социологии связана с *case studies*, вторая традиция работает с проблемой, которую можно приблизительно назвать культурной спецификой социальных процессов. У этого вопроса сложные связи с концептом прогресса – ниже я обсуждаю их на двух примерах исследовательских проблем социологии, где, можно сказать, был прогресс. В заключительной части обсуждена применимость ряда философских взглядов на прогресс науки к этому материалу и в целом к социологии.

Два подхода и их соотношение. У социологии как дисциплины истоки лежат в двух различных традициях. «Количественная» традиция (от Конта, Кетле и Милля) преобразовалась в статистическую традицию, выраженную в методах Пирсона и Эджвуда. Она построена вокруг корреляций, что креативно применено к социологии Гиддингсом и его учениками. «Качественная» традиция связывается с концептом понимания, историзма, с Дильтемом, феноменологией и – в чем-то ошибочно – с Вебером, пытавшимся примирить эти две традиции. Различия между ними повторяют объяснения особенностей понимания: в качественной традиции объяснение сводится к пониманию; в количественной – понимание есть источник проверяемых гипотез и важное фоновое знание моделирования и измерений. Главная характеристика обоих подходов – зависимость от категорий, выводимых из понимания агентов, из объяснения их действий – не из чисто теоретических концептов. Субъект, социальный мир – по определению – в некотором смысле уже «известны» его участникам. Социология, по необходимости, в каком-то смысле – форма поиска второго порядка. Отсюда глубокие последствия для понимания прогресса: категории агентов соотношены с историко-социальным контекстом, в отличие от категорий естественной науки.

Социологи после Конта и Кетле следовали модели физики, но такие «модели» так и не приблизились к моделям исходным, несмотря на концентрацию усилий и ряд реконструкций данной модели, допускающих сравнения. То, как социология сегодня верна исходному стремлению открывать законы, выводя их из дедуктивной структуры, сохраняет исходное стремление найти каузальные корреляции, достаточно робастные в разных контекстах, подвергаемых стандартной проверке статистикой. Сходство между этим проектом и общими теориями сводимо к следующему. Так же как закон физики сохраняет форму независимо от распределения его примеров, виды корреляций, считающиеся подлинно каузальными, не меняют форму, будучи поделены на части, т.е. когда точки данных

делятся на группы по основанию каузальных переменных, имеющих потенциал влияния на статистические распределения².

Этот стандарт негативен. Он утверждает, что якобы на каузальную корреляцию «не влияют» какие-то иные причины, и эта корреляция недоказуема. Ясно, нельзя исключать возможности наличия каузальной переменной, не обладающей таким эффектом. Следовательно, каузальность – всегда предположение (см.: [Pearle, 2000: 136–137, 139, 174–182]). Но она все же применима для каузальной инференции и действительно может напоминать реальную ненаучную бытовую каузальную инференцию, допуская, что эта модель имеет релевантные переменные представляемых ею процессов. Это менее проблематично, когда данная каузальная ситуация, так сказать, локальна, и можно положиться на локальное знание возможных каузальных отношений. Проблема статуса локального знания обсуждена ниже – и это главная забота качественной традиции.

Возьмем пример модели каузальных детерминант подростковой беременности в США [Rodgers, Rowe, 1993] для иллюстрации базовой ситуации построения модели, её задач и ограничений. Те же соображения распространяются и на количественную традицию. Каузальные отношения моделируются путем сборки переменных, которые, как ожидается, влияют и на исход, и друг на друга, и на устранение тех отношений, которые невозможно установить, – например влияния, уходящие глубоко в прошлое, – подвергая оставшийся набор отношений статистическому анализу, определяющему, какие вариации результата предсказуемы на основе расстановки переменных, дающей наилучшие прогнозы. Потом можно применить ту же модель к новым условиям, например к иному населению, чтобы понять, «робастна» она или лишь локальна. Создатели этой модели описывают свои результаты так: «Параметры, оцениваемые в ходе наших оценочных проверок, были строго интерпретабельны и достоверны. Более того, проверка применения показала ряд данных о том, как будет работать этот мир при упрощении допущений данной модели, и о том, как она работает в той мере, в которой эти допущения разумны» [Rodgers, Rowe, 1993: 503].

«Цель» – «воспроизводство базовых паттернов в преобладающих данных, т.е. каузально релевантных паттернов». В то же время признается, что «иные подходы могут, вероятно, столь же хорошо воспроизвести данные». Признана возможность комбинаций – в данном случае между моделью, «обладающей меньшим теоретическим богатством», и «воспроизводимыми данными, которые немного лучше», и альтернативной статистикой, которая «тоже может соответствовать этим данным» [там же].

Заявленное преимущество этой модели зависит от «способности интерпретировать параметры и сущностное знание, вытекающее из тестирования адаптаций модели» [там же]. «Сущностное знание» здесь означает, что, с учетом возможных допущений, мы узнаем чуть-чуть лучше, чем знали до приложения модели к конкретному эмпирическому кейсу. Авторы признают: «[М]ы были бы безответственны, полагая, что нашли правильную модель развития сексуального поведения подростков – по ряду причин. Первое – известное упрощение описываемой здесь реальности на основе социального взаимодействия и влияния процессов среди подростков, – одно из десятков или сотен возможных и пригодных» [там же].

Они отмечают возможность помех и иных причин, не попавших в модель: «влияние родителей..., реакция индивида на сексуальное просвещение в школе, неизбежные гормональные вариации, ...и многие другие процессы, важные для развития сексуальности подростков. Она упрощает реальность, объясняемую нами, проецируя эту реальность на одну конкретную сферу» [там же]. Конечно, они тоже полагают, не считая нужным фиксировать, что их результаты привязаны к контексту, который представляет собой практики, установки и т.д. – весь «задний план» каузальных механизмов. «Базовые паттерны», которые они пытаются выделять, культурно и исторически меняются. Эти перемены – вне модели.

² Это как раз случаи, создающие парадокс Симпсона.

Это базовая логика каузального моделирования. Налицо некий стандарт улучшения, прогресса: снижение ошибок прогноза. Но, конечно, есть разрыв между прогнозом и объяснением. Хороший предиктор в случае подростковой беременности – курение; но оно не причина. То есть интерпретации или каузальным предположениям нужно пройти путь от сырых фактов статистики до каузальных выводов. На чем основаны эти предположения? Обычный путь – не обосновывать их, делая безобидные замечания, с которыми не поспоришь, например: курение не вызывает беременности, – и пусть данные развеют сомнения. Но обычно этот путь оставляет неснятыми многие «возможные» причины, включаемые в модель потому, что они не сняты. Многие эти «причины» проблематичны: они могут страдать, например, от неоднозначной стрелы причинности; рассмотрение их как причин часто связано с анекдотичностью или фольклорным их характером. Им также могут содействовать более масштабные социальные теории – классов или стратификации, подсказывая категории и переменные. Но их нельзя отбросить как невозможные.

Те же проблемы есть при измерениях. Рассматривая конкретную шкалу, основанную на ответах анкеты, даже если ее широко применяют как «меру», мы полагаемся на некое чувство, интуицию, – эта шкала-де есть концепт, принятый в теории или при релевантной концептуализации. А она тоже зависит от контекстуального, в основном «локального» знания о том, что вопросы анкеты могут значить для респондента. Известный, высмеянный и часто повторяемый пример – шкала жилища Ф.С. Шэпина [Sharin, 1928], позволяющая интервьюеру в жилище респондента отнести его к некой социальной категории, наделив предметы мебели и другие объекты в комнате индексными номерами. История измерений в социологии вкратце такова. До «Индуктивной социологии» Гиддингса [Giddings, 1901] исследователи полагались или на официальную статистику, или на сбор информации, основанной на конвенциональных категориях. Гиддингс первым выдвинул идею количественных суррогатов концептов, вроде «трудовых беспорядков». Его ученики, создатели базовой рамки количественной социологии, приумножили подобные концепты – открыв социальную жизнь для квантификации на основах концептов социальной теории и на проблемах политики. Но в каждом случае мера зависела, как и шкала жилища, от локального, контекстуального знания «значения» шкалируемой вещи. Шэпин тщательно валидизировал шкалу, показав, что её элементы привязаны к релевантным измерениям статуса. Но сами предметы были нестабильны как индикаторы, их прогнозные значение и ценность менялись со сменой моды.

Последствия нестабильности – отсутствие чего-либо похожего на принцип естественного единообразия – таковы: хотя эти корреляции могут служить основой для претензий на каузальность, они страдают одним ограничением: неизвестны масштаб и условия их применения, а отношения каузальности и сама корреляция могут утрачивать применимость. Иными словами, это не общие утверждения: это модели, применяемые тогда, когда их применяют. То же относится к категории «мера». Мера в социологии – не набор четких, высокогенерализируемых измерений, вытекающих одно из другого, – она скорее применима по месту и времени и привязана к теоретическим концептам локальным знанием.

Локальное знание и понимание: качественная традиция. Количественная социология зависит от локального знания. Но что такое локальное знание, как оно связано с социологией как производящей знание системой, в каком смысле оно прогрессирует? Об этом можно много говорить. Но главное здесь то, что оно «локально» в смысле отличия от иных условий; это отличие создает проблему, загадку, которые надо объяснять. И это знание – в широком смысле термина – включает практики, создающие верования, установки, опыт, намерения, формируемые конкретными условиями.

М. Морган и А. Хиршман недавно показали ситуацию сравнений локальных условий, обсудив *case studies*. «Главный метод такой социологии, обычно обозначаемой как “этнографические” или качественные, ассоциируемые с “методом” включенного наблюдения: Нет простых сравнений для работы методом *case studies*, т.к. то, что находится в распоряжении исследователя, не просто факты, наблюдения или феномены, не говоря уже

о готовых описаниях феноменов, ждущих, когда их переопишет социальный исследователь. Это нечто менее очевидное. Клиффорд Гирц, антрополог, описал эту проблему так: поле дает исследователю узел загадок; множество сложных концептуально структур, многие из них наложены друг на друга, соединены, что одновременно и странно, и необычно, и неочевидно; надо исхитриться, чтобы сначала понять, а потом изложить суть дела (Geertz 1973, 10)» [Morgan, Hirschman, 2017: 5].

И добавляют: «работа с *case studies* в социальных науках – метод поиска, наиболее продуктивный в изучении загадочных единичных случаев, не в новом описании материала, укладывающегося в общую гипотезу или теорию» [там же]. Для нашего случая здесь важно следующее. Данная загадка имплицитно или эксплицитно сравнительна; решение лежит в сложении воедино элементов контекста, таких как конкретные верования, практики, которые нельзя заранее считать релевантными (если бы это было так, загадок не было бы). Решение здесь таково: разобраться в исходно загадочных практиках и тем самым в верованиях, опыте и остальном «локальном знании».

То есть для *case studies*, этнографии «исправление» принимает форму выявления контекста, позволяющего лучше разобраться. Как правило, это значит сделать эксплицитными изученные скрытые черты локального знания – такие как нормы культуры. Это могут быть новые сравнения, к примеру – между одной культурой бедности и другой, что указывает на дополняющие сходства/различия, релевантные исходной интерпретации и ее модификации. В таких случаях новые сравнения создают новые загадки и новые решения. В строгом смысле это сводится к изменению объекта, но к такому изменению, которое поглощает исходные загадку и интерпретацию и в этом смысле выступает как прогресс. Кратко – есть процесс критики, форму которой можно сделать эксплицитной и образцовой. Этот процесс излагали по-разному [Geertz, 1973; Roth, 1989; Turner, Carr, 1978; Turner, 1980], но не всегда убедительно и с элементами идеологизации.

Мотивы такого рода исследований часто политические или идеологические: то, что выглядит загадкой, требует понимания, может задеть локально сформированные чувства социальной справедливости, правды. В случае культуры бедности, например, в адрес «культурных» подходов звучали упреки за переложение вины на жертву, требования обвинять «контекст» – «капитализм» [Wasquant, 2002]. Для критики такого рода предложенные объяснения неполны, поскольку то, что не является загадочной практикой в одной аудитории – нормальное поведение капиталиста, – загадочно, проблематично в аудитории со своей политической позицией. Короче, «понимание» требует понимающего с конкретной когнитивной повесткой и конкретными эпистемными запросами, чтобы предмет был ясен.

Качественные и количественные подходы в каком-то смысле дополняют друг друга. «Понимающий подход» дает знание для суждения о достоверности. Количественный подход определяет силу каузальных отношений и способ их объединения для производства каузальной структуры. Известна модель объяснения, именуемая «лодкой Коулмена». Она работает так: для показа каузального отношения двух «микро» или социетальных атрибутов – таких как протестантское религиозное учение и ранний капитализм – требуется не просто корреляция. Нужен механизм, делающий достоверным каузальное отношение. Мы не можем полагаться здесь на локальное знание: его нужно добыть через понимание ранних капиталистов и ранних протестантов, интеллектуально чуждых нам. Мы делаем это, реконструируя ментальный мир, где соединены религиозные мотивации и действия капиталиста на уровне индивида. Таков «механизм», делающий достоверной претензию на причинность. В иных сферах – экономики, например, механизмами могут быть просто реконструкции рационального выбора.

Внешне такие «механизмы» выглядят более или менее схожими по функции с механизмами химических процессов в биологии. Биологические механизмы считаются робастными во многих случаях, пример – виды, классы организмов. Считается также, что они более или менее полно представляют некую каузальную трансформацию, обычно ту, что воспроизводится в контролируемых условиях эксперимента. Их можно

рассматривать – в контексте эпидемиологии, например, – как дополнение данных статистики, таких как механизм в социальной науке. Есть серые зоны, где статистические связи поняты плохо, но считаются достоверными каузально и в социальной науке, и в медицине. Врачи называют это «эмпирическими» связями, подразумевая, что механизм не совсем понятен, но, вероятно, существует, и в практике здесь возможно вмешательство. Разница между этими полями такова: наше понимание этих связей в медицине можно улучшить (полностью установив каузальные химические связи), а в социальных науках они остаются на уровне вероятного локального знания.

Совсем иное дело – возможность верифицировать механизмы другими средствами, не просто атрибуцией их к корреляциям, основанным на локальном знании. Хотя могут сказать, что эксперименты в экспериментальной экономике и социальной психологии выполняют ту же функцию при сертификации механизмов, суждения о достоверности гораздо сильнее привязаны к соображениям применения в локальных контекстах. Тем не менее налицо сильные сходства с биологическими науками в плане вариативности.

Может показаться, что раскрытие смыслов поведения, по меньшей мере до момента обеспечения достоверной атрибуции каузальности к корреляциям, достаточно как замена экспериментальных данных о регулярности, требуемой от «механизмов», так что лишь один пробел является эпистемным: неспособность ставить эксперименты – лишь некая случайная черта ситуации. Достоверность – это не каузальность, часто это лишь слабый, иррелевантный путь к ней. Мотивы (reasons) – это причины только в смысле низкой вероятности, что показал Д. Дэвидсон [Davidson, 1963]; есть ряд причин, входящих в социальную активность и действия людей, которые не являются мотивами (reasons). *Case study* и этнографический подход пытаются держаться материала социальной жизни, проживаемой и артикулируемой агентами. Это исключает большую долю потенциальной каузальной базы действия, которая находится вне пределов таких способов выражения. Самопонимание часто бывает самообманом, а глубинные источники наших желаний и ментальных процессов скрыты для нас, как и для наблюдателя. То есть если можно стремиться к полной репрезентации комплексного биологического процесса и его условий, «понимание» никогда не превысит частичное представление о каузально релевантных процессах. В социальной науке мы находим абстракцию. Самые детализированные механизмы, такие как теория решений, – абстракции, которые математически удобны, но не репрезентативны для актуальных процессов размышления, тем не менее предсказательны для изучаемых высокоагрегированных данных.

Это случай целевой относительности, предполагающий постановку важных проблем. Во всей социальной науке общим местом является то, что социальная наука должна быть «эмансипативна». Это подразумевает возможность некоей интервенции, которая решит определенную нормативно определяемую проблему практики. Искомая каузальная модель коррелирует в этом случае с некоей целью или сравнением, в том смысле, что есть проблема, которой нужно заняться посредством изменения некоего условия или набора условий. Говорить о прогрессе в построении модели – значит говорить о ней в отношении к этим целям. Большая предсказуемость – прогресс. Но то, что мы хотим предсказать, определено целями самого поиска.

В случае каузальных, ориентированных на практику моделей задача – установить главные последствия и достаточную каузальную структуру целей вмешательств или отказа от предлагаемых вмешательств. Но все условия «каузальной структуры» релятивны к цели или сравнению, для удобства я могу также сказать – «релятивны к проблеме». Некий «главный эффект» релятивен к компаративному, контрфактическому вопросу, но сравнение с какой-то ситуацией таким главным эффектом не обладает. Термины, используемые при обсуждении этих моделей, например экзогенность/эндогенность (порожденная в системе или внешняя для системы каузальность) и идентификация (уточнение каузальных связей), термины типа сверх- или недоидентификация (недостаточность каузальных связей для выявления релевантной структуры или включение слишком многих

мешающих или запутывающих переменных, скрывающих суть релевантной структуры), – все они часть поиска релевантных исследованию данных. Это не предзаданные категории – в глазах бога одна связь столь же важна, как и другая.

Это путанные соображения, но приближенно их можно суммировать так. Есть четыре разные проблемы: каузальность, предсказуемость, различимость и вмешательство. В традиционной философской литературе предложены аргументы, определяющие каждую из них в терминах других, а в образцовом случае законов физики они, видимо, одно и то же. В случае статистических моделей активности людей, однако, они ведут нас в разных и часто конфликтных направлениях. Курение – хороший предиктор, но не причина беременности. Однако оно также может выступать в качестве таковой для многих диспозиций за пределами различимости и играть каузальную роль для действия. Различимые действия имеют причины низкой вероятности, а части каузального процесса, раскрываемые посредством *Verstehen*, – малая доля общей каузальной ситуации. Более того, в экономике абстракции, выводимые из сложности действия и решения, могут хорошо предсказывать, вопреки своей плохой репрезентативности для всего каузального процесса. Вмешательство требует изолировать подвергаемую вмешательству систему – здесь мы различаем экзо- и эндогамию – от огромного сопутствующего мира корреляций и причин, а мысленный акт изоляции системы зависит от спорных суждений по поводу достоверности, а также от привязанных к вмешательству целей конструирования некоей модели системы. Все эти черты построения моделей связаны с проблемой прогресса, лучше всего понятной из примеров.

Прогресс в двух темах социологии. Целесообразно свести эту дискуссию от уровня абстракции до конкретных предметов, чтобы иллюстрировать проблемы с концептом прогресса, порождаемые спецификой социологических поисков. Я рассмотрю две области исследований, в которых была траектория, показывающая, с каким видом прогресса связана каждая из них. Одна – это «теория», другая – статусные различия. Первый пример коснется двух близких проблем теории элиты, проблемы правящего класса и проблемы власти на местах (*community power*). Второй – литература о достижении статуса, часто оцениваемая как крупный успех количественной социологии.

Исходная идея теории элит: власть немногих признают все – независимо от идеологии общества, включая эгалитарную, согласно «железному закону олигархии» Р. Михельса. Его исследование политических партий показало, что социал-демократическая партия Германии сама была олигархичной [1911, 1915]. Классические формулировки этой теории Г. Моска [1896, 1939] и В. Парето [1916, 1966] сфокусированы на правящем классе и применяются к политическим обществам. Претензии Моска универсальны: все организованные общества делятся на правящий и управляемый классы; это результат «констант и тенденций, обнаруживаемых во всех политических организмах» [Burnham, 1943, 98]. Таково следствие, в принципе, психологического драйва к преобладанию, а в плане состава правящего класса – необходимости адаптироваться к господствующим (меняющимся) социальным силам. У Парето добавлены соображения о циркуляции элит, то есть проблема абсорбции потенциальных лидеров и сторонников из неэлиты и выталкивания из элиты слабых – это соображение он считал ключевым для стабильности элиты. Такие соображения и процессы считались универсальными. Но для их объяснения нужно было понять, как эти процессы работают в разных социальных и политических условиях, как разные качества элит востребованы при разном строе, то есть показать сходства вопреки явным различиям.

Прогресс ли эта парадигма? Она развивалась в двух направлениях. Одно – стойкий интерес к тому, что Ч.Р. Миллс в 1950-е гг. назвал «властвующей элитой», описав ее как сплоченную группу верхушки военных, бизнеса, политики и т.д. [Mills, 1956]. Хорошо известны две недавние книги, одна из которых представляет собой общую теорию элит [Milner, 2015], другая анализирует их стабильность/нестабильность [Shipman et al., 2018]. В чем-то независимо от нее сложилась огромная литература о структурах общественной власти, посвященная выявлению элит и их структур. Литература эта в тупике с 1970-х

гг. – не разрешен конфликт между множеством моделей структур элит и общественной политики после длительных споров о методах, среди них – метод «репутационный», т.е. информантов спрашивали, какие люди в данной общности властвуют, принимают решения. Это близко к тому, что сейчас называют отслеживанием процесса – изучался процесс принятия конкретного решения, вплоть до его результатов. В этой литературе много интересных находок. Например, долгосрочный тренд, когда выборные лидеры общности не принадлежат к «экономически доминирующим» [Clelland, Form, 1964: 511]. Были результаты и на эмпирическом уровне. Но теоретический консенсус не достигнут. Есть лишь осознание ряда разных типов политики на уровне структур власти в общности. Иными словами – модели общественной власти плохо генерализируемы. Это прогресс, как и рост числа моделей. Но не прогресс в движении к новой общетеоретической позиции. Каждая новая модель требовала новых фактов.

В США собрано много данных о личных связях и отношениях членов элиты [Domhoff, 1967]. Эти труды очень конкретны: нынешние элиты и американский кейс. На другом полюсе – две работы [Milner, 2015; Shipman et al., 2018]. Одна из них теоретична, опирается на примеры из истории: элиты правят благодаря сплочению, союзу со средними классами или с бедными; альянсы со средним классом более стабильны. Это указывает, что главная причина нестабильности элит – их внутренние разногласия по вопросу, с какой группой вступать в альянс.

Работу Шипмана и др. можно назвать прогрессом для общей «проблемы» стабильности/нестабильности элиты, или перемен, у которой длинная предыстория. Новизна тут – добавление идеи классовых союзов и привязка перемен в них к расколам элиты, а также подмеченный факт, что союзы со средним классом на основе таких вещей, как права собственности, более стабильны. Это можно считать новой теорией с новым прогнозом в рамках общей «проблемы» стабильности элит. По сути, речь идет о сравнениях режимов элит стабильных и нестабильных.

Милнер пытался создать предельно общую «модель» элит – синтез литературы об элите. Он определил компоненты элит и дифференцировал типы их власти, применив затем результат к трем исторически разным случаям [2015]. Ключ этой модели – перечень качеств элит. Он различает три типа элит по главному критерию их элитного характера: политическая власть, экономические средства, статус [2015: 27]. Это предиктивно в том смысле, что все атрибуты взаимосвязаны. Такая «общая» модель вносит концептуальное разъяснение и в некотором смысле предсказание о нужных для власти элит элементах или нормативных компонентах. Но в этом случае модель сдвигается к категории «дефиниционных»: обладать качествами – то, что аналитик определит как «элиту». И если мы возьмем другие данные, в них есть тот же элемент.

То, что теории имеют тенденцию становиться «дефиниционными», – нормальный результат того, что в социологии именуют проблемой «масштаба» или применимости. Для некоторых обществ эти концепты кажутся не столь четко применимыми, и для подтверждения общей применимости этой теории требуется отказ от таких намерений и от конкретности исторической или сравниваемой ситуации. Иными словами, это примеры стандартизации сравнений (проблем со сравнениями), когда теряется важная суть, которую бы выявили интерпретирующий подход и другие сравнения. Вебер [1904; 2012] прославился обсуждением таких моделей, назвав их «идеальным типом». Он считал, что их цель – облегчить сравнения, что они своей односторонностью создают концептуальную ясность, что они применимы там, где их и применяют, и помогают установить, где их невозможно применять, что их нельзя считать общими теориями. Скорее их надо считать инструментами интерпретации, применяемыми тогда, когда они служат этой цели. Вебер отверг идентификацию идеального типа с «реальностью» и считал, что теории, подобные теории Маркса, именно эту ошибку и совершают. Их лучше считать идеальными типами. В используемой мною терминологии они релятивны к целям или сравнениям; их надо оценивать с точки зрения способности решать загадки, вытекающие из сравнений.

Обозначим важную проблему, связанную с «прогрессом»: когда новое определение – это прогресс, а когда просто вопрос смены объекта? В нашем и в следующем случаях перед нами один и тот же вопрос. Цели «теорий», моделей разные, как и их определения/названия, и то, что они принимают за каузально внутреннее, эндогамное, и что опускают как экзогамное, что они принимают за сферу, диапазон сравнений, считая эмпирически релевантным, открытым для вмешательства. Тем не менее они находятся в приблизительно одной и той же сфере проблем. В случае теории элит можно идентифицировать «прогресс» в смысле замены одной дефиниции проблемы на другую в соотношении с конкретной общей проблемой – нестабильностью элит. Что не делает определение проблемы лучшим или прогрессивным в универсальном смысле; это не поможет нам в вопросе, поднятом Милнером, о необходимости некоего трансцендентального обоснования. Но Милнер также рассматривает еще один, иной, набор «элит» как свою эмпирическую базу – но не власть общественности.

Аналогичная проблема – исследования «достижения статуса» как случай каузального моделирования. Данная тема возникла из комбинации исследований статуса с прежней проблемой «истощения села» – изучение того, как по мере урбанизации, миграции в города в селах оставались менее образованные, неграмотные, слабые, в отличие от уезжавших в города. Эта часть большой мировой проблемы проявлялась в форме разных практических ответов на вызов в разных странах, отражаясь и в разнице подходов. В США политика была нацелена на эгалитарность – сделать сельскую жизнь такой же привлекательной, как и в городе. Отсюда ориентированные на практику исследования, создание комиссий по жизни села, область науки – социология села, ориентированная на задачи улучшения жизни в сельской местности. Эмпирические исследования в США, связанные с «истощением», концентрировались на таких вещах, как умственное развитие, что породило более общую программу – объяснение «достижения статуса». Появление в 1960-е гг. анализа пути, метод моделирования структурного уравнения сделали возможным ряд проектов, наделявших каузальным весом множество переменных, влияющих на итоговый социоэкономический статус. Эти труды «считались образцовыми» [Grusky, Weeden, 2006, цит. по: Sakamoto, Wang, 2020: 1] и «выдающимся примером успешного накопления знания» [Hout, DiPrete, 2006; Sakamoto, Wang, 2020: 1].

Основной стратегией этой литературы был поиск межпоколенной профессиональной мобильности. Это удовлетворяло ряд интуиций: статус был основным вопросом, закрепившись в посвященной ему литературе [Goode, Hatt: 1949]; смещение внимания к более статусной занятости в следующем поколении определило парадигму восходящей мобильности. «Прогресс» в этой проблематике принял форму добавления переменных и повышения предиктивности моделей неким улучшением статистики, о чем говорилось выше. Модель предполагает каузальность: оценивается именно предиктивная важность переменных; улучшение заключено в изменении веса разных каузальных переменных на основе предиктивной силы модели в разных конфигурациях допустимого порядка каузальности. Но моделирование ничего не прибавляет нашему знанию о самих каузальных механизмах: они – часть «допустимого» моделью.

Это называют внутренним прогрессом. Модели «улучшались» по-разному: они содержат больше опровергающих переменных и повышают объясняемую вариативность – частично за счет усложнения, что требует корректировки допущений. Строго говоря, модели несравнимы: каждая имеет свои допущения, а они конфликтны. Но если шире смотреть на эту литературу, признав за допущениями связь с целями или со сравнениями, можно интуитивно, на уровне здравого смысла, может быть даже на основе некоего качественного знания, судить о том, как люди представляют себе занятия и их достоинства, – то, по отношению к чему модели улучшены.

По-иному встает проблема прогресса, когда модели достаточно различны, чтобы – даже по отношению к тем же целям – «прогресс» выглядел как «смена объекта». В последние годы эта традиция подменена экономическим подходом, избегающим категорий

занятости (суррогат статуса) в пользу пожизненного дохода как итоговой переменной. Причины отказа от занятости таковы: «Категории занятости часто несут в себе много исходных переменных смены места работы – различия организаций, неравные заработки. Привлечение усредненных заработков по профессиям как показатель доходов человека – крайне неточно. Таблицы профессиональной мобильности не различают важной экономической мобильности, устойчивой в любой данной категории занятости» [Sakamoto, Wang, 2020: 4].

Использование пожизненного дохода родителей имеет интуитивные достоинства в плане смены объекта – ведь это то же самое, о чем мы часто думаем как о богатстве, а также эмпирический повод считать, что это лучше. «Соотношение доходов родителей и детей может быть высоким, даже если у обоих поколений разные занятия, так как большая часть неравенства заработка – следствие иных переменных», – к примеру возможность инвестировать в высокостатусное образование. «[Э]кономический подход избегает этого дефекта контекстуальной неточности, измеряя доходы и родителей, и детей прямо на индивидуальном уровне» [Sakamoto, Wang, 2020: 4].

Не касаясь ряда технических трудностей, просто подчеркну: профессионально-статусный подход полагает стабильными ряд причинно-следственных связей, позволяет игнорировать некоторые из них как несущественные или экзогамные; профессиональный статус подменяет более общее понятие статуса на протяжении всей жизни. Перемены на рынке труда, дестабилизирующие эти связи, например частые смены карьеры и усиление статусной дифференциации в рамках занятий, ведут к тому, что модели стали и менее предиктивны, и менее пригодны для интуиций о таких вещах, как варианты категорий занятости. Перемены в мире труда сделали статус атрибутируемым к нанимающим организациям [Jencks et al., 1988]: программист Майкрософта – это не программист провинциального муниципалитета. Новый подход «лучше» не потому, что углубит и дополнит модель, – это не так, а потому, что он лучше вписан в перемену условий, если в обоих случаях вопрос в том, что я называю «проблемой» – в стремлении всех повысить социальную мобильность.

Перемены продолжают. Модели применимы, когда это возможно. Но условия, в которых их применяют, всегда подвижны. Мы лишь предположительно можем считать их предиктивными, чем-то иным, нежели снимком некой базы данных. С точки зрения технической стороны это смена объекта – модели, строго говоря, несравнимы, т.к. содержат разные конфликтные допущения по поводу причин, и об эндогенности, и об установлении каузальных связей. Определение же каузальной силы – как цель модели – нечто внутри данной модели. Но эти перемены более понятны в позитивном смысле: эти модели релятивны целям. Здесь цель более крупная, слабо ассоциируемая с возможностью вмешаться, чтобы повысить социальную мобильность или устранить барьеры на ее пути. С более общей точки зрения пользователя этой модели, цели которого шире самой модели и звучны многим моделям, – это её улучшение.

Экзогенность проблем и прогресс. Как все это в литературе по философии науки связано с концептом прогресса? Начну вот с чего: «проблемы», загадки социальной науки в основном определяются соображениями здравого смысла. Эти «проблемы» часто возникали из нормативных или практических забот. Базовые объяснительные проблемы социологии возникают, когда частично/полностью по неизвестным причинам меняются результаты или практики. Ответы на эти вопросы иногда связаны с переходом на более высокий уровень абстракции, например – мыслить отношения села и города исторически, чтобы получить сравнения/обобщения. Вебер сделал это, обратившись к аграрной истории Древнего Рима и эволюции социальных отношений, отношений собственности в сельских поместьях периода их упадка. Претензии на предполагаемую сопоставимость кейсов требуют абстрактных концептов. Сравнение случаев, различающихся многими параметрами – как прусские и римские поместья, требует не учитывать большую часть этих параметров и строить упрощенную модель. Вебер назвал это идеальным типом, понимая под ним инструменты, обеспечивающие концептуальную ясность, но за счет конкретности, неизбежно неточные, но необходимые. Он их считал лишь «полезными», связывая

поэтому с целями исследователя. В итоге эти цели стали продуктом наших собственных культурных забот, исторически меняясь: смысл проблем, а потому и загадок меняется по мере смены наших забот.

Вебер в трудах по теории науки, повлиявших на К. Поппера и других философов науки, развернуто ответил на вопрос историчности социальной науки и различий между научной социальной и естественной, а также отношения к нормативным и догматическим наукам, таким как право и теология. Он сделал одно семантическое замечание: хотя науки могут менять и отвергать концепты, у наук социальных концепты привязаны к бытовому языку как метаконцепты, концепты концептов. Так как сами концепты бытового языка исторически и культурно изменчивы, меняются сами объясняемые объекты социальной науки, а метаконцепты, такие как «поместье», это абстракции, которые могут стать или быть менее применимыми по мере изменения описываемых ими рутинных практик.

Короче говоря, есть некая семантическая нестабильность в социальной науке, порожденная тем, что можно назвать «языком жизни», или, как я писал выше, «локальным знанием»; фактически «загадки» или проблемы социальной науки в значительной мере производны из того факта, что термины, перестав применяться тем же образом, обретают иные ассоциации, начинают использоваться по-иному. Очевидное решение здесь – изменять концепты более высокого уровня обобщения.

Можно мыслить накопление истины и повышение достоверности путем добавления переменных и увеличения объясняемой дисперсии (или, наоборот, путем конкретизации механизмов). Если это делать, всплывут дилеммы. За лучше объясненную дисперсию обычно платят надежностью или обобщаемостью. Модели лучше всего работают в ограниченных условиях, с ограниченной нестабильностью. Добавление моделей с новыми переменными равнозначно изменению проблемы. А так как каждая переменная требует некой «достоверности», добавление одной переменной, как правило, означает добавление еще одной менее достоверной «причины» с менее достоверными основаниями считать, что на нее не влияли иные причины, или что она не служит запутыванию вопроса. Но она дает новые результаты, новое знание с учетом ограничений самого процесса построения моделей, требующего допущений в идентификации каузальных механизмов и экзогенности, или того, что следует включить. Если новые модели относительно стабильны во времени, более робастны и обобщаемы, то есть сохраняют применимость в новых условиях, это случаи «прогресса» в форме смены загадок. Если умножение моделей при неких эмпирических основаниях аналогично умножению признанных экспериментальных гипотез – это накопление истины.

Факт, что модели несравнимы и связаны с целью, так как используют несовместимые допущения, делает этот процесс отличным от того накопления, как его обычно понимают традиционные модели науки. Много таких примеров есть в литературе о достижении статуса. Здесь к общей «проблеме» добавляются такие переменные, как влияние продолжения образования менее образованной матерью в раннем детстве ребенка на результаты его обучения в отрочестве. Отсюда следует не только новая модель, но и новое сравнение. Оно мотивировано практическими заботами; обычно они сосредоточены на действиях в годы раннего детства как средстве улучшить результат образования [Esping-Andersen et al., 2012; Heckman, 2012; Winther-Lindqvist, Svinth, 2020]. Тут есть тонкая грань между прогрессом и сменой объекта, или расширением проблемы в новом направлении. В таких переменах налицо обучение: обучение тому, что внешние условия прежней модели изменились, что могли сказаться конкретные помехи, отсутствовавшие у прежней модели (мотивированные иными перспективами, в нашем случае – экономической теорией человеческого капитала). Но этот вид прогресса тесно связан с вопросом релятивности проблемы. Сами перемены в проблеме экзогенны: истощение сельских местностей кончилось, улучшается образование в городах. Более того, как отмечено, смена темы также требует менять «допущения», и не только статистические допущения, но то, что считается правдоподобным или разумным.

Что считать правдоподобным или разумным, отражают цели или сравнения. В случае видовых сравнений, как в интерпретативной социальной науке, это следствие факта, что

метаязык данной интерпретации есть «язык жизни» некой иной общности. Нет родового языка науки для перевода. Мы описываем «культуру бедности» терминами наших идей, чтобы передать ее смысл аудитории. Улучшение, собственно говоря, должно повышать смысл. Но, как и при моделях количественных, можно «улучшить» изменения предмета до того, что верх одержит контекст угнетения. Изменения релятивны целям, и тогда нужно будет утверждать, что сами цели скорее прогрессируют, не просто меняются. Такое возможно по практическим причинам в биомедицине и в определенных контекстах в социальной науке. Но это все же говорит о целевой релятивности моделей.

Можно ли этот результат считать прогрессом в философии науки? Если делить альтернативы на семантические, эпистемные и функциональные [Bird, 2007; ср. Shan, 2019], результат будет таков. Для разделения кейсов семантических и эпистемных нужен пример некоего ошибочного метода, дававшего в прошлом истинные верования, позднее замененные надежным методом. В социологии методы всегда соперничали, генерируя различающиеся виды результатов, как минимум частично дополнявших друг друга; при этом качественные «методы» делают предположения правдоподобными. Т.е. различие семантического и эпистемного нерелевантно: результаты не аккумулируются, прежние консенсусные методы не заменяются новыми консенсусными методами. «Истина», в «реалистском смысле» или в любом, кроме наблюдения, сложнее: сохраняются и растут «парадигмальные» различия главных теоретических подходов, ибо разные походы по-разному ставят для себя проблемы объяснения. Судить о некой теории элит, к примеру, значит сначала решить, что же следует считать предметом теории.

В случае каузальных моделей имеет место нечто похожее: мы определяем проблему, которую должна решать наша модель, и применяем эти определения вместе с правдоподобными представлениями об эндогенности системы и о каузальности. Смена модели в целях ее большей предсказуемости или ее улучшение ради достоверности или ценности для вмешательства меняет вопрос – тогда модели, строго говоря, несравнимы. Но все же есть некий смысл во внутреннем улучшении, при замене одной модели другой в отношении «проблемы», вопроса, определяемых менее строго. Тогда можно говорить, что наши модели статусного достижения лучше. Когда «статус» (по занятости) заменили пожизненным доходом как зависимой переменной, это было заявкой на улучшение, но такое улучшение, когда оно – результат нестабильных предположений, уже не применяемых и замененных более достоверными в связи с изменившейся структурой занятости, а не дефект прежней модели, примененной к исторически обусловленной проблеме.

Это ставит нас перед альтернативой понимания прогресса как внутреннего для методов, перспектив, отнесенных к данному полю проблем. Последний пункт проблематичен: при обычном взгляде на прогресс как на решение загадок загадки генерируют внутренние дефекты доминирующей теории. В социологии теории – это словари, по-разному описывающие проблемы, такие как проблема власти элит, и отвечающие на разные вопросы. В случае каузального моделирования «проблемы» определяются извне: стремлением к лучшей социальной мобильности или сокращению беременности подростков. Когда Лауден заметил, что «проблема не обязана точно описывать дела, чтобы быть проблемой: все, что нужно, это чтобы положение дел было реальным» [Laudan, 1977: 15], он описал некий необычный случай в истории науки. В социологии это норма: быть проблемой – значит быть проблемой для некой формы локального знания. Можно представлять такие случаи естественно возникающими из неудачных прогноза и понимания вследствие новизны или изменения социальных условий (ср.: [Turner, 1980]). Но и здесь «проблема» зависит от исходной точки: это проблема с точки зрения некоего локального знания, неспособного схватить новые условия. Прогресс заводит в тупик благодаря факту нашей устойчивой зависимости от локального знания. Мы достигаем прогресса в проблеме, созданной нашим локальным знанием, нам никогда не устранить нашу зависимость от него, а оно меняется не из-за прогресса теории, а из-за изменений жизни.

Конечно, лучше всего было бы изменить название книги Лаудена «Прогресс и его проблемы» на «Прогрессируют ли проблемы?». В рамках внутринаучной модели можно сказать, что они прогрессируют так: загадки возникают из теорий решения прежних загадок. В узком смысле данный вид внутреннего прогресса происходит в социологии. Мы понимаем действия в новых условиях, улучшая наше прежнее понимание, мы меняем модели на модели лучшие, с иными допущениями, лучше служащими конкретным целям. Но из этого возникает не цепочка решаемых загадок, скорее новые загадки по внешним причинам. В этом отношении социология подобна медицине, практически занятой новыми болезнями по мере их появления. Но медицина часто зависит от расширения базы знания причин, и это есть некий прогресс, но не аналог зависимости от локального знания и основанных на нем суждений о достоверности.

Последствия такой разницы можно прояснить, сравнив эти теории прогресса с известным образом М. Поланьи. Прогресс в науке он сравнил с решением большого пазла – ученые добавляю кусочки, совпадающие с другими кусочками, и возникает гипотеза. Для Поланьи это фундамент; это форма дисциплины, которую смежные области науки налагают одна на другую. Медицина делает это, встречаясь с новой болезнью. Наши смежные области – обобщенные формы знания, подобные формулам химии или механизмам биологии.

Точная наука как статистическое моделирование молча отвергает идею объединения частей науки в единое целое по простой технической причине, что упрощающие допущения моделей сами тоже являются средствами, но такими, которые они генерируют, предсказания, являющиеся их «результатами», не согласуются друг с другом. Так повышаются применимость и размах «науки», ее «рыночность» для государства. Но при этом как неизбежность принимается множественность законных моделей, между которыми нужен выбор на эмпирических основаниях, таких как достоверность, практическая важность допущений – а здесь мнения расходятся – или сторонние цели. В этом плане положение социологии представляет собой то, что становится нормальным состоянием науки (science).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Bell D. (1982) *The Social Sciences since the Second World War*. New Brunswick, NJ: Transaction Books.
- Bird A. (2007) What Is Scientific Progress? *Nous*. No. 41(1): 64–89.
- Blalock H. (1961) *Causal Inference in Non-Experimental Research*. Chapel Hill: The University of North Carolina Press.
- Burnham J. (1943) *The Machiavellians: Defenders of Freedom*. Chicago: Henry Regnery.
- Chapin F.S. (1928) A Quantitative Scale for Rating the Home and Social Environment of Middle Class Families in an Urban Community: A First Approximation to the Measurement of Socio-Economic Status. *Journal of Educational Psychology*. Vol. 19(2): 99–111.
- Clelland D., Form W.H. (1964) Economic Dominants and Community Power a Comparative Analysis. *American Journal of Sociology*. Vol. 69(5): 511–521.
- Collins R. (1981) *Sociology since Midcentury: Essays in Theory Cumulation*. New York: Academic Press.
- Davidson D. (1963) Actions, Reasons and Causes. *Journal of Philosophy*. Vol. 60: 685–700.
- Deutsch K., Platt J., Senghaas D. (1971) Conditions Favoring Major Advances in Social Science. *Science New Series*. Vol. 171 (3970): 450–459.
- Domhoff G.W. (1967) *Who Rules America?* Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall.
- Esping-Andersen G., Garfinkel I., Han W.J. et al. (2012) Child Care and School Performance in Denmark and the United States. *Children and Youth Services Review*. No. 34(3): 576–589.
- Geertz C. (1973) Thick Description: Toward an Interpretative Theory of Culture. In: *The Interpretation of Cultures*. New York: Basic Books: 3–36.
- Giddings F.H. (1901) *Inductive Sociology: A Syllabus of Methods, Analyses and Classifications, and Provisionally Formulated Laws*. New York/London: The Macmillan Company.
- Goode W P., Hatt. P.K. (1949) *Methods in Social Research*. Oxford/New York: Prentice Hall.
- Grusky D.B., Weeden K.A. (2006) Does the Sociological Approach to Studying Social Mobility Have a Future? In: *Mobility and Inequality: Frontiers of Research from Sociology and Economics*. Stanford: Stanford University Press: 89–108.
- Heckman J.J. (2012) Promoting Social Mobility. *Boston Review*. 1 (September).

- Hout M., DiPrete T.A. (2006) What We Have Learned: RC28's Contributions to Knowledge about Social Stratification. *Research in Social Stratification and Mobility*. No. 24: 1–20.
- Jencks C., Perman L., Rainwater L. (1988) What is a Good Job? A New Measure of Labor-Market Success. *American Journal of Sociology*. No. 93(6): 1322–1357.
- Laudan L. (1977) *Progress and Its Problems: Toward a Theory of Scientific Growth*. Berkeley: University of California Press.
- Machamer P., Darden L., Craver C.F. (2000) Thinking about Mechanisms. *Philosophy of Science*. No. 67(1): 1–25.
- Michels R. [1911] (1915) *Political Parties: A Sociological Study of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracy*. New York: The Free Press.
- Mills C.W. (1956) *The Power Elite*. Oxford: Oxford University Press.
- Milner M.Jr. (2015) *Elites: A General Model*. Cambridge: Polity Press.
- Morgan M.S., Hirschman A.O. (2017) Narrative Ordering and Explanation. *Studies in History and Philosophy of Science*. Part A. No. 62: 86–97.
- Mosca G. [1896] (1939) *The Ruling Class* / Ed.A. Livingston. New York: McGraw-Hill.
- Pareto V. (1916) *The Mind and Society*. New York: Harcourt, Brace and Company.
- Pareto V. (1966) *Sociological Writings*. Totowa, NJ: Rowman and Littlefield.
- Pearl J. (2000) *Causality: Models, Reasoning, and Inference*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Rodgers J.L., Rowe D.C. (1993) Social Contagion and Adolescent Sexual Behavior: A Developmental EMOSA Model. *Psychological Review*. No. 100(3): 479–510.
- Roth P. (1989) Ethnography without Tears. *Current Anthropology*. Vol. 30(5): 555–569.
- Rule J.B. (1997) *Theory and Progress in Social Science*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Sakamoto A., Xuanren Wang Sh. (2020) The Declining Significance of Occupation in Research on Intergenerational Mobility. *Research in Social Stratification and Mobility*: 100521
- Shan Y. (2019) A New Functional Approach to Scientific Progress. *Philosophy of Science*. No. 86(4): 739–758.
- Shipman A., Edmunds J., Turner B.S. (2018) *The New Power Elite: Inequality, Politics, and Greed*. London/ New York: Anthem Press.
- Turner S., Carr D. (1978). The Process of Criticism in Interpretive Sociology and History. *Human Studies*. No. 1: 138–152.
- Turner S. (1980) *Sociological Explanation as Translation*. Rose Monograph Series of the American Sociological Association. New York/Cambridge: Cambridge University Press.
- Wacquant L. (2002) Scrutinizing the Street: Poverty, Morality, and the Pitfalls of Urban Ethnography. *American Journal of Sociology*. No. 107(6): 1468–1532.
- Weber M. [1904] (2012) Objectivity' in Social Science and Social Policy. In: Weber M. *Collected Methodological Writing*. London/New York: Routledge: 100–138.
- Winther-Lindqvist D.A., Svinth L. (2020) *Early Childhood Education and Care (ECEC) in Denmark*. Oxford Bibliographies.

Пер. с англ. Н.В. РОМАНОВСКИЙ

РОМАНОВСКИЙ Николай Валентинович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН; профессор Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия (socs@isras.ru).

DOI: 10.31857/S020736760026579-5

PROGRESS IN SOCIOLOGY?

TURNER S.

University of South Florida, USA

TURNER Stephen, Distinguished University Professor, Department of Philosophy, University of South Florida, USA (turner@usf.edu).

Transl. by N.V. ROMANOVSKY

Nikolay V. ROMANOVSKY, Dr. Sci. (Hist.), Prof., Chief Researcher of the Institute of Sociology of FCTAS RAS, Prof. of Russian State University for Humanities, Moscow, Russia (socs@isras.ru).